

История научной коммуникации

Эта лекция посвящена истории научной коммуникации в России. Это история, которая происходила частично на наших глазах. И, возможно, кажется, что и так все понятно, мы все знаем.

Но когда я и мой коллега Дмитрий Мальков проводили это исследование для главы о России в международную хрестоматию [Communicating Science: A Global Perspective](#), мы обнаружили, что в этой истории есть белые пятна, которые мы постарались заполнить, и некоторые поводы для переосмысления и рефлексии, которые полезны нам сейчас в нашей каждодневной работе. Поэтому мы решили, что этой историей хорошо бы с вами поделиться.

Период 1971 — 1991 гг.: «Мы пойдем другим путем», Маяковский

Мы не углублялись совсем в века вроде «Слова о полку Игореве», а начали наш рассказ с пост-революционного периода. И советский период научной коммуникации мы условно озаглавили цитатой из Маяковского «Мы пойдем другим путем», потому что это был период собственного, немножко самостоятельного становления и науки, и коммуникации в жесткой идеологизированной среде.

Одно из важных свойств советского строя в принципе — это конструирование нового человека, не встраивание того человека, который уже есть, а создание нового на основе научных знаний.

И знаковым для этого периода феноменом является [общество «Знание»](#). Оно учреждено еще в 1947 году Сталиным. Это общество лекторов, которые читали научно-популярные лекции везде — от школ и предприятий до деревень и зон. Мы нашли такую цифру — только в 1970 году было организовано 18,5 млн публичных лекций для 950 млн слушателей.

Когда мы эти цифры привели, редактор в нашей книжке спросил: «А это не опечатка, не лишний нолик?». Мы все проверили, это действительно так. Средний человек в Советском Союзе слушал более 1 публичной научно-популярной лекции в год.

И такие же огромные объемы были у тиражей **научно-популярных изданий**. Например, [газета «Аргументы и факты»](#), которая издавалась обществом «Знание», попала в книгу рекордов Гиннеса в 1990 году за самый большой тираж в истории человечества, тираж 33,5 млн копий. Это очень много. Это говорит о том, насколько широко была распространена научная пропаганда.

Другим путем ее распространения были **научно-популярные журналы**. Это были тиражи «в каждый дом». Это, например, были журналы [«Наука и жизнь»](#), [«Знание — сила»](#), [«Химия и жизнь»](#). Часть из них существует до сих пор, часть практически не существует или совсем закрылась. У них были очень большие, миллионные тиражи.

Кроме этого, они характеризовались очень радикальным подходом к подаче информации. Почти не было критического осмысления, не было никакого диалога с наукой. Поскольку это должно было быть чтение для всей семьи, там была и нерелевантная информация, рецепты, кроссворды. И через эти же издания зачастую распространялся оккультизм, нью-эйдж, странные современные псевдорелигии. И, конечно, в СССР в целом был большой перекосяк в естественные науки, социальные науки в условиях сильной идеологизации не могли полноценно развиваться.

Научные музеи были очень важны в этой рамке научной коммуникации как ответа на сдачу «холодной» войны и космической гонки. В стране флагманским научным музеем был и до сих пор остается [Политехнический музей](#). Но вообще функционировало 245 краеведческих музеев, 100 музеев науки и техники, и примерно половина из них — аэрокосмические музеи. Была огромная сеть, которая сейчас, конечно, не функционирует на полную силу.

Об ученых снимали **героическое кино**. Самый известный такой фильм — [«Девять дней одного года»](#) с Алексеем Баталовым. Но это не единственный фильм, где ученые показываются такими «солдатами без мундиров», героями, жертвующими собой ради науки, а окружающие — жертвующими собой ради ученых.

Эта героизация была не только в кино. Например, популярный артист Владимир Высоцкий писал песни про ученых знаменитый [«Марш физиков»](#), где он упоминает советского физика [Бруно Понтекорво](#). Это все-таки говорит о том, что ученые занимали значительное место в массовой культуре

На **телевидении** наука тоже присутствовала. Самая известная и дожившая практически до наших дней передача — [«Очевидное и невероятное»](#) [Сергея Петровича Капицы](#). И уже на примере этой программы наметился некоторый разлом, который возникает между наукой и обществом в структуре научной пропаганды.

Дело в том, что героический образ ученого действовал не только на людей, но и в обратную сторону, на ученых. И это очень высокое положение ученых помещало их в ту самую башню из слоновой кости, они не чувствовали себя обязанными ни налогоплательщикам, ни обществу. Никаких понятий об отчете науки перед обществом не было. И из-за этого выход в люди не только не приветствовался внутри научной среды, но даже осуждался.

Такое было и в других странах, возник термин «эффект Сагана». Знаменитый американский астроном, первый культовый популяризатор науки [Карл Саган](#) медленно продвигался в научной карьере из-за того, что занимался популяризацией науки. При этом показано, что, например, в [Американскую академию наук](#) избирали людей, которые по научным показателям были хуже Сагана. То есть это не было

объективной оценкой, что он отвлекался от науки, и поэтому его нельзя продвигать. Просто считали, что раз он занимается популяризацией, то в серьезной науке, может быть, ему не место.

Такую же проблему имел Сергей Петрович Капица, несмотря на то, что его отец был Нобелевский лауреат [Петр Леонидович Капица](#).

Период 1991 — 2001 гг.: «Назад в подвалы», группа «Калинов мост»

Все изменилось с перестройкой и с концом советского строя.

Во-первых, кардинально упало финансирование науки. Уже на 1994 год оно в шесть раз отставало от развитых стран. И, конечно, когда нет финансирования науки, нет речи и о финансировании организованной популяризации и коммуникации науки.

При этом произошла полная либерализация рынка научной информации, хлынула на рынок иностранная литература по философии и социальным наукам. А поскольку не было собственной школы, то не было и возможности отличить серьезные социальные гуманитарные науки от оккультизма. И мода на гороскопы и нью-эйдж практики вышла из среды интеллектуалов и распространилась на широкие массы.

В принципе досуг стал свободным, и научно-популярные формы организованного досуга отступили, и организованные институты популяризации были разрушены и деградировали. То есть в то время, как в других странах происходило переосмысление и наоборот организация научной коммуникации, в России наступила некоторая эра хаоса.

При этом потребность в научной информации всегда была. И это выразилось в том, что даже в свободном рынке начали образовываться коллективы и издания, которые занимались распространением научной информации. В конце 1990-х годов появились первые научно-популярные программы на радио, с 1998 года появился Интернет, на базе «Химии и жизни» заработало агентство «ИнформНаука», и таким образом в начале 2000-х в эту сферу пришла частная инициатива.

Период 2001 — 2011 гг.: приватизация

Символом частной инициативы является [фонд Династия Дмитрия Зимина](#), который, к сожалению, сейчас не функционирует, поскольку ему был присвоен статус «иностранного агента». Дмитрий Борисович учредил его в 2001 году. Фонд занимался переводом изданий иностранной научпоп-литературы, организацией первых небольших фестивалей науки и научных кафе, приглашением в основном иностранных хороших лекторов и развитием школы отечественных научно-популярных лекторов.

Как оказалось, это непросто. Для тех, кто хотел этим заниматься в Советском Союзе, все-таки был большой перерыв. Кто-то из них уехал за границу, кто-то перестал работать. Но за это время мода на то, чтобы быть популяризатором науки, исчезла,

и сотрудники фонда говорили, что первоначальная опора на иностранных лекторов была связана с тем, что найти отечественных лекторов было трудно.

Кроме этого, работала большая музейная программа, которая сильно сдвинула и модернизировала научные музеи, особенно в регионах. И была учреждена [премия «Просветитель»](#) авторам книг, которая работает и по сей день.

В это же время появились первые частные музеи, работающие по модели science center, когда экспонат не представляет сам по себе важный, уникальный артефакт, а что-то интерактивное, с чем ты можешь повзаимодействовать. Первый музей такого рода несколько десятков лет назад был создан в Сан-Франциско — [«Эксплораториум»](#). И современные частные научные музеи — [«Экспериментарий»](#) в Иркутске, [«Ньютон Парк»](#) в Красноярске. Их создатели говорили, что именно Эксплораториумом они и вдохновлялись.

За это время активно развиваются частные медиа, и научная журналистика локализуется в основном в частных, а не государственных медиа. Небольшие редакции очень активные и очень независимые.

Период 2011 — 2016 гг.: Империя наносит ответный удар

Начало 2010-х годов характеризуется возвращением государства в эту сферу. Было сразу несколько инициатив, которые позволили государству перехватить повестку в научной коммуникации.

Во-первых, был запущен [проект повышения международной конкурентоспособности вузов 5-100](#), который полностью изменил ландшафт коммуникации науки в университетах, поскольку впервые появились организованные офисы коммуникации и пресс-службы. И за счет этого и в медиа произошел сдвиг, поскольку эти пресс-офисы стали активно продвигать российскую науку, чего в предыдущие двадцать лет не было.

Прошла [реформа РАН](#), которая по крайней мере в декларативном виде закрепила необходимость популяризации науки для академических ученых. Это то, чего ученые не делали в предыдущие годы и что ставилось в принципе справедливо в укор той Академии наук.

Возникли **государственные научно-популярные мероприятия**, и кроме частного меценатства расцвело и околосударственное. Появились небольшие научно-популярные медиа, но при этом при общем угасании независимой от рынка журналистики и национализации в той или иной форме общественно-политических массмедиа, доля и роль независимой журналистики в это время упали.

Флагманский государственный околосударственный проект в сфере научного ивента — это [фестиваль науки «Наука 0+»](#), который еще в конце 2000-х был запущен, но всероссийский статус приобрел позже. В принципе эту идею подсказал ректору МГУ [Виктору Антоновичу Садовничему](#) в 2005 европейский научный

журналист, который спросил, почему у нас нет фестиваля науки. И она легла на благодатную почву с точки зрения зрителей и с точки зрения организаторов.

Государство активно поддерживало **научные медиа**. В этот период запустилось сразу несколько научных медиа при государственной поддержке, хотя не все они существуют до сих пор.

И в результате всех этих усилий медиаландшафт сильно изменился. Мы рассматривали два облака тегов, до и после, слова, которые окружают слова «наука» и «ученый» в медиа. Если традиционной историей для 2000-х была повестка больше научно-политическая, то в 2015-2016 гг. мы увидели другую картину. Появились глаголы научного действия, поскольку ясно, что подлежащие в предложениях, рассказывающих, что ученые открыли, сам предмет открытия будет все время меняться. Но эти глаголы, «предложили», «объяснили», «говорят» про то, что мы имеем дело с научными новостями по научным статьям, а не по высказываниям или по политике.

Период 2016 до нашего времени: профессионализация

Этот период мы условно выделяем как профессионализация. Почему мы считаем, что она началась?

Есть рамка, что сфера считается профессионализировавшейся, если существуют образовательные программы, профессиональные объединения, исследовательская повестка и нормативные документы. Все это произошло с научной коммуникацией в России, начиная с 2016 года.

Возникли образовательные программы. Наш массовый открытый онлайн-курс, на котором мы сейчас друг друга и видим, работает с 2016 года. С 2016 же года работает [магистратура по научной коммуникации](#)¹ в Университете ИТМО. С разными успехами запускались попытки полноценного профессионального образования в сфере научной коммуникации в других вузах.

В 2016 году была зарегистрирована [Ассоциация коммуникаторов в сфере образования и науки](#), которая существует до сих пор для объединения. Чуть раньше появились исследовательские проекты в сфере научной коммуникации, хотя эта сфера считается чуть менее развитой до сих пор.

И первый нормативный документ, в котором говорилось о научной коммуникации, — это [Стратегия научно-технологического развития](#), тоже конец 2016 года.

Мы говорили в других лекциях про [Открытую науку](#), агрегатор научных пресс-релизов, который в принципе тоже является показателем развития этой сферы. Он работает 5 лет.

¹ Более подробная информация о магистратуре <https://vk.cc/ccUDre>

[Премия по научной коммуникации «Коммуникационная лаборатория»](#) вручается с 2016 года и тоже будет отмечать пятилетний юбилей. Она аккумулирует лучшие практики в сфере институциональной научной коммуникации за все это время и сама по себе стала хрестоматией того, как можно хорошо организовывать научную коммуникацию в вузах и НИИ.

Каждый год проводится [Российский форум по научной коммуникации](#), с 2017 года. Это мероприятие, в котором я советую всем интересующимся участвовать.

С 2019 года вручается [премия «Научный журналист года»](#), которая является российским этапом европейской премии, [«Европейский научный журналист года»](#), и в 2020 году Мария Пази, которая выиграла российскую премию с серией текстов о цифровизации мира ([Кибер-ДНК](#), [Цифровая любовь](#), [Человек эволюционирующий](#)), стала лучшим научным журналистом года в Европе. Это действительно очень конкурентно, круто и почетно.

Наконец, в 2020 году был запущен [проект «Люди науки»](#) по развитию научного волонтерства в России. Подробнее про него у нас есть отдельная лекция (*последняя лекция главы 6*), вы можете послушать.

Все это говорит о том, что среда научной коммуникации с разных сторон развивается и существует достаточно стабильно и независимо, именно потому что она поддерживается в разном виде как государственной, так и частной инициативой.